
СТАНИСЛАВ АРЖАЕВ
ВОДЯНАЯ ЦЕРКОВЬ
СОСУДЫ. КНИГА 6. ФИНА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Станислав Аржаев
Водяная Церковь

https://litres.ru/74744222
SelfPub; 2026

Аннотация

Станислав Аржаев. «Водяная церковь». Серия «Сосуды». Книга шестая. Финал

Илья Корвин получает звонок от дочери, о существовании которой не знал. Двадцать лет назад его жена Тамара ушла, скрыв беременность. Теперь она мертва — и заперта в земле засыпанной церкви под Тверью. Чтобы освободить её, нужно не разбить и не убить. Нужно отпустить. По-настоящему. А Илья не умеет отпускать. Он умеет держать. Спасать. Убивать. Но не отпускать. Это сделает Аня — девочка, которая ждала отца всю жизнь. Она скажет матери: «Иди. Я тебя отпускаю». И земля отпустит. Но прежде Илья должен узнать то, чего не знал. О Тамаре. О себе. О том, что любовь — это не клетка. И что иногда единственный способ сохранить — это отпустить. Финал серии «Сосуды». Шесть книг. Шесть сосудов. Одна история о цене освобождения.

Станислав Аржаев
Водяная Церковь

(Серия «Сосуды». Книга шестая. Финал)

От автора. Предупреждение

Эта книга — последняя.

Я не стану убеждать вас, что она мягкая. Не стану обещать, что в финале все будут счастливы. Финалы редко бывают счастливыми. Они бывают честными.

Предупреждаю: здесь будут страницы, от которых вам захочется закрыть книгу. Моменты, когда вы проклянёте меня. Я не буду вас щадить. Я не щадил Илью. Не щадил Лизу. И вас не пожалею.

Это история о воде. О том, что таится в воде. О том, что вода запоминает. О том, что вода забирает. И о том, что вода не отпускает никогда.

Начнём.

Часть первая. ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ КАЛИНИНГРАДА

Глава первая. Илья. Человек, у которого остановилось время

Илья Корвин вернулся в Петербург в среду, в половине шестого утра, и не смог открыть дверь своей квартиры.

Он стоял на лестничной площадке, держал ключ в правой руке и смотрел на замочную скважину. Ключ не попадал.

Он пробовал снова и снова — медленно, методично, как автомат, — и каждый раз металл скрежетал по металлу и соскальзывал. Руки трясло. Не мелкой дрожью, как обычно, а крупной, как при лихорадке. Он сжал ключ двумя руками. Попробовал ещё раз. Ключ вошёл наполовину и застрял.

Он стоял так, наверное, минуты три. Просто стоял и держал ключ, застрявший в замке. В голове было пусто. Не тихо — пусто. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Он знал, что должен что-то чувствовать. Знал, что люди в такие моменты чувствуют. Но не чувствовал ничего. Только усталость. Такую тяжёлую, что даже дышать было трудно.

Он всё-таки открыл дверь. Вошёл. Не раздеваясь, прошёл на кухню. Сел на табурет. Посмотрел на чайник. Чайник был холодный. Он не помнил, когда его включал. Он не помнил, когда был здесь в последний раз. Неделю назад? Две? Время в Калининграде шло как-то иначе. Или не шло вовсе.

Он просидел на кухне час. Может, два. Смотрел в стену. За стеной была соседская квартира, и оттуда доносился звук телевизора — утренние новости, бодрый голос диктора, что-то про погоду. Илья слушал этот голос и думал: как странно, что где-то ещё есть погода. Что где-то ещё есть люди, которые встают утром, включают телевизор, пьют кофе, собираются на работу. Как странно, что мир не остановился. Что он продолжает вращаться, хотя Анна умерла. Хотя он убил её. Хотя Лиза убила её.

Он закрыл глаза. И сразу увидел. Анну. На коленях. В во-

де. С улыбкой. С этой её улыбкой, которую он помнил с выставки, с Эрмитажа, с того дня, когда она сказала: «Это комплимент?» — а он ответил: «Это факт».

Он открыл глаза. Стену. Чайник. Стол. Всё на месте. Ничего не изменилось. И от этого стало ещё хуже.

Телефон зазвонил в девять. Илья посмотрел на экран. Лиза. Он смотрел на её имя, пока звонок не прекратился. Потом телефон зазвонил снова. Опять Лиза. Он не взял. В третий раз — Петрович. В четвёртый — Громов. Он положил телефон экраном вниз на стол и сидел, слушая, как он вибрирует. Как жук, который попал в банку и бьётся о стекло. Он знал, что должен ответить. Знал, что они волнуются. Знал, что это неправильно — молчать. Но голос не слушался. Горло сжималось. Если бы он попытался сказать хоть слово, он бы разрыдался. А он не мог. Не сейчас. Может, никогда.

Он просидел так до полудня. Потом встал. Подошёл к зеркалу в прихожей. Посмотрел на себя. И не узнал.

Оттуда смотрел человек. Лет сорока. Худой — слишком худой, скулы выпирали, щёки впали. Кожа серая, как у покойника. Глаза красные, воспалённые, с тёмными кругами до середины щёк. Волосы сальные, прилипли ко лбу. Щетина — недельная, может, больше. Руки — он посмотрел на руки — тряслись. Он поднял правую. Держал перед собой. Смотрел, как она дрожит. Как будто это была не его рука. Как будто это была чужая рука, которую ему пришили.

Он отвернулся. Пошёл в ванную. Включил воду. Долго

стоял под душем — сначала горячим, потом ледяным. Вышел. Вытерся. Побрился. Порезался — дважды, потому что руки не слушались. Кровь выступила на подбородке, он прижал к ней полотенце и стоял так, пока не остановилась. Потом оделся. В чистое. Впервые за неделю. Посмотрел на себя в зеркало ещё раз. Всё равно не узнал. Но хотя бы перестал быть похож на бомжа.

Он взял телефон. Двадцать три пропущенных. Он набрал Лизу.

— Илья? — Она ответила сразу, на первом гудке. Голос был хриплый — она тоже не спала. — Господи, Илья. Я звонила сто раз. Ты где?

— Дома, — сказал он. Голос вышел чужой. Хриплый, как у неё. — Я дома.

Пауза. Долгая. Он слышал, как она дышит. Часто, поверхностно, как загнанный зверь.

— Ты как? — спросила она.

Он подумал. Как он? Он не знал. Он не знал, как это называется. Когда ты жив, но не чувствуешь. Когда ты дышишь, но не хочешь. Когда ты смотришь в зеркало и не узнаёшь себя. Как это называется? Он не знал.

— Не знаю, — сказал он. — А ты?

— Не знаю, — сказала она. — Я не сплю. Каждую ночь вижу её. Она стоит и смотрит. И улыбается. И говорит: «Спасибо». А я... я не могу. Я не могу это вынести. Я думала, что смогу. Я думала, что если сделаю — станет легче. Но не

стало. Стало хуже. Потому что теперь я знаю, каково это — убивать. И я не могу этого забыть.

Илья слушал её. И чувствовал — впервые за неделю — что-то. Не пустоту. Боль. Острую, режущую. Потому что она была там. Одна. С этим. А он не был. Он бросил её. Он ушёл в свою квартиру и сидел на кухне, глядя в стену, пока она там — одна — смотрела на свои руки и думала о том, что сделала.

— Я приеду, — сказал он. — Сегодня. Сейчас.

— Не надо.

— Надо.

— Илья...

— Я приеду, — сказал он. — Я не оставлю тебя одну. Никогда. Слышишь?

Пауза. Потом — тихо:

— Слышу.

Глава вторая. Лиза. Девочка, которая держала молоток Лиза сидела на полу в ванной, прижавшись спиной к холодной плитке, и держала в руках молоток. Тот самый. Она не помнила, как он у неё оказался. Она не помнила, как привезла его из Твери. Она не помнила, как вообще вернулась в Петербург. Всё было как в тумане. Люди, поезд, такси, дверь квартиры — всё это было, но не с ней. Как будто она смотрела фильм, а фильм смотрел кто-то другой. Молоток был холодный. Металлическая рукоятка, обмотанная изолентой. На головке — тёмные пятна. Она не знала, что это. Вода?

Кровь? Грязь? Она не хотела знать. Она просто держала его. Потому что когда она его держала, она чувствовала хоть что-то. Тяжесть. Холод. Реальность. А когда не держала — не чувствовала ничего. Она не спала четыре дня. С тех пор как вышла из воды. С тех пор как убила. Она пыталась. Ложилась в кровать. Закрывала глаза. И сразу видела Анну. Её лицо. Её улыбку. Её слова: «Спасибо, что не побоялась». И тогда она открывала глаза и садилась. И больше не пыталась. Смысла не было. Её тошнило. Постоянно. Она не ела — не могла. Пробовала пить чай — не лезло. Вода — только вода проходила. Она пила воду из-под крана, стоя над раковиной, и смотрела, как она уходит в слив. Как в церкви. Как в Твери. Как всё, что она делала, уходило в слив. У неё болела голова. Постоянно. Тупо, с затылка, отдавая в шею. И руки. Руки болели. Не так, как у Ильи — у него тряслись. У неё — болели. Мышцы. Как будто она держала что-то тяжёлое. Долго. Очень долго. И не могла отпустить. Она посмотрела на молоток. Долго. Потом положила его на пол. Рядом. Не убрала. Просто положила. И сидела, глядя на него, пока не зазвонил телефон. Она открыла дверь через минуту после звонка. Илья стоял на пороге. И она увидела его — и поняла, что он выглядит так же, как она. Может, хуже. Серая кожа. Красные глаза. Трясущиеся руки. Человек, который не спал. Человек, который не ел. Человек, который видел то, чего не должен был видеть. Они стояли и смотрели друг на друга. Долго. Потом он шагнул вперёд. Обнял её. Крепко.

Как будто боялся, что она исчезнет. И она обняла его в ответ. И они стояли так, в дверях, обнявшись, и никто не говорил ни слова. Потому что слов не было. Было только это. Тепло. Дыхание. Присутствие. То, что они были живы. То, что они были вместе. То, что они не были одни. Потом они сели на пол в прихожей — просто сели, потому что сил идти дальше не было, — и сидели, прижавшись друг к другу, спиной к стене, и молчали. Долго. Может, час. Может, два. За окном шёл дождь. Где-то на кухне капал кран. В соседней квартире играла музыка — тихо, приглушённо, как из другой жизни. — Я не могу перестать думать о ней, — сказала Лиза. Тихо. Почти шёпотом. — Я тоже, — сказал Илья. — Я вижу её каждую ночь. Она стоит в воде. Смотрит на меня. И улыбается. И говорит: «Спасибо». А я... я не знаю, что делать. Я не знаю, как это остановить. — Не останавливай, — сказал Илья. Она посмотрела на него. — Что? — Не останавливай, — повторил он. — Не пытайся забыть. Не пытайся выкинуть. Не пытайся сделать вид, что этого не было. Потому что было. Ты это сделала. Ты убила её. И это... это правильно. Это было милосердие. Это было освобождение. Но это также было убийство. И ты должна это нести. Всю жизнь. Не потому, что ты виновата. А потому, что ты — человек. А человек — это тот, кто помнит. Кто несёт. Кто не забывает. Даже когда больно. Даже когда невыносимо. Даже когда хочется умереть. Лиза смотрела на него. Долго. Потом сказала: — Я не знаю, смогу ли. — Сможешь, — сказал он. — Я с

тобой. Мы справимся. Вместе. Или не справимся. Но вместе. Это всё, что у нас есть. Она положила голову ему на плечо. Закрыла глаза. И впервые за четыре дня — не увидела Анну. Увидела только темноту. Обычную. Пустую. И это было хорошо. Глава третья. Петрович. Человек, у которого отказала спина Петрович не доехал до Петербурга. Он сошёл с поезда в Твери — не потому, что хотел, а потому, что не мог идти дальше. Спина отказала. Просто отказала. Он встал с полки, чтобы достать сумку, и почувствовал, как что-то в пояснице дёрнуло, как будто кто-то резанул ножом. Он вскрикнул. Сел обратно. И больше не смог встать. Его вывели под руки. Проводница, какая-то женщина с ребёнком, ещё один мужчина — они помогли ему выйти на перрон. Он стоял на платформе, согнувшись пополам, и смотрел, как поезд уходит. Как вагоны удаляются — один за другим, — и как вместе с ними уходят люди, которых он знал. Илья. Лиза. Громов. Кожухова. Ян. Они уехали. А он остался. Его отвезли в больницу. Врачи сказали: грыжа. Защемление. Нужна операция. Или хотя бы покой. Постельный режим. Хотя бы две недели. Он сказал: «Хорошо». И остался. Лежал в палате на третьем этаже, смотрел в потолок и думал. Он думал о том, что видел. О Калининграде. О мастерской. О янтаре. О том, как они разбивали фигуры одну за другой. Как выходили люди — или не люди, он уже не понимал, — и как они улыбались, и как они говорили: «Спасибо». И как они исчезали. Один за другим. Как свечи, которые гасят. Он думал о том, что

видел в церкви. В Твери. Он не пошёл с ними — спина не позволила, — но он видел из машины. Видел, как Лиза вошла в воду. Как она шла по дну. Как она скрылась в церкви. И как через час — или через вечность, он не знал — она вышла. Одна. Без Ильи. И потом Илья вышел сам — через минуту, через две, — и он был... другим. Пустым. Как будто из него вынули всё. Петрович думал: «Я старый. Я больной. Я не должен был во всё это лезть. Я должен был сидеть в своей сторожке, пить чай и смотреть на стеклянных людей. Но я полез. Потому что не мог иначе. Потому что Илья попросил. Потому что он был хорошим человеком. Потому что я видел, как он мучается. И я хотел помочь. А теперь я лежу здесь, с грыжей, и не могу даже встать, чтобы налить себе воды». Он повернул голову. На тумбочке стояла чашка. Пустая. Он посмотрел на неё. Долго. Потом закрыл глаза. «Ладно, — подумал он. — Ладно. Я старый. Я больной. Но я живой. И это уже что-то. Это уже больше, чем у некоторых». И он заснул. Впервые за неделю — без снов. Без голосов. Без стекла. Просто темнота. Просто тишина. Просто покой. Глава четвёртая. Громов. Человек, у которого была дочь Громов вернулся в Петербург и пошёл не домой, а в участок. Сел за стол. Достал папку. «Дело 47. Пропажа несовершеннолетней Громовой А.С., 2008 г.» Положил перед собой. Открыл. Впервые за пятнадцать лет — открыл. Внутри были фотографии. Настя. Десять лет. Косички. Смеющиеся глаза. Он смотрел на них. Долго. Потом начал читать. Отчёт о пропа-

же. Показания свидетелей. Протоколы допросов. Всё это он знал наизусть. Каждую строчку. Каждое слово. Он читал это пятнадцать лет — не открывая папку, а в памяти. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый раз, когда видел девочку с косичками на улице. Он дочитал до конца. Закрыл папку. Отложил. И понял: он больше не может. Не может искать. Не может ждать. Не может надеяться. Потому что надежда — это то, что убивает. Надежда — это то, что не даёт жить. Надежда — это то, что держит тебя в прошлом, пока настоящее проходит мимо. Он встал. Взял папку. Пошёл к шкафу. Открыл дверцу. Поставил папку на верхнюю полку. Закрыл дверцу. И вернулся за стол. На стене за его спиной висела фотография. Девочка. Десять лет. Косички. Смеющиеся глаза. Он снял фотографию. Долго держал в руках. Потом открыл ящик стола. Положил туда. Закрыл ящик. И налил себе чаю. Из железной кружки. Как всегда. Как пятнадцать лет. Он сидел и пил чай. И думал о том, что видел. О Твери. О воде. О церкви. О том, как Лиза вошла в воду. О том, как она вышла. О том, как она сказала: «Он ушёл. Но он не умер. Он там. И я найду способ». Он думал: «Может, и моя Настя там. Может, и она ждёт. Может, и её можно освободить. Может, и я смогу. Когда-нибудь. Когда наберусь сил. Когда поверю. Когда перестану бояться». Он допил чай. Поставил кружку. И пошёл домой. К жене. Которая ждала его пятнадцать лет. Которая так и не смирилась. Которая каждую ночь плакала в подушку, думая, что он не слышит. Он слышал.

Всегда слышал. Но не знал, что сказать. Теперь знал. Он скажет ей: «Прости. Я не смог её найти. Но я больше не буду искать. Потому что я хочу жить. С тобой. Пока мы живы. Пока есть время. Пока есть мы». Глава пятая. Кожухова. Женщина, которая не могла писать Кожухова приехала в Петербург и первым делом пошла в свой кабинет. Села за стол. Достала блокнот. Открыла. Взяла ручку. И замерла. Она не могла писать. Рука не слушалась. Она держала ручку и смотрела на чистый лист, и не могла вывести ни буквы. Как будто что-то внутри неё сломалось. Как будто тот механизм, который заставлял её составлять протоколы, описывать происшествия, фиксировать факты, — этот механизм перегорел. Она сидела так час. Два. Пробовала снова и снова. И каждый раз — ничего. Ручка дрожала в руке. Лист оставался чистым. Она отложила ручку. Закрыла блокнот. Откинулась на стуле. Посмотрела в потолок. Она думала о том, что видела. О Калининграде. О янтаре. О Твери. О воде. О церкви. О том, как Илья вошёл в воду. О том, как Лиза вышла. О том, как она стояла на берегу и смотрела, и не могла ничего сделать. Не могла помочь. Не могла спасти. Не могла даже описать. Она — следователь. Она привыкла описывать. Это была её работа. Её жизнь. Её способ справляться с ужасом. Она видела многое. Трупы. Кровь. Насилие. Смерть. Она описывала это. Фиксировала. Составляла протоколы. И это помогало. Это делало ужас управляемым. Понятным. Обычным. А теперь — не помогало. Потому что то, что она видела, нель-

зя было описать. Не потому, что не хватало слов. А потому, что слова были бессильны. Они не могли передать. Не могли объяснить. Не могли вместить. Она посмотрела на блокнот. Пустой. Чистый. И поняла: она больше не может. Не может быть следователем. Не может описывать. Не может фиксировать. Она устала. Она хочет просто жить. Без протоколов. Без дел. Без ужаса. Она встала. Взяла блокнот. Пошла к шкафу. Положила его на полку. Рядом с другими. Закрыла дверцу. И вышла из кабинета. На улице шёл дождь. Она стояла под козырьком, курила и смотрела на людей. Они шли мимо. Обычные. Живые. Спешили куда-то. Несли сумки. Говорили по телефону. Смеялись. И она думала: «Как странно. Они не знают. Они не знают, что живёт в воде. Что живёт в янтаре. Что живёт в стекле. Они не знают, что мир полон сосудов. И что в каждом сосуде — кто-то. Кто-то, кто ждёт. Кто-то, кто просит. Кто-то, кого нужно освободить». Она докурила. Бросила окурок в урну. И пошла домой. К своей пустой квартире. К своей одинокой жизни. К своему молчанию. Глава шестая. Ян. Мальчик, у которого не прекращался шум Ян не поехал в Петербург. Он остался в Твери. У воды. Стоял на берегу. Смотрел. Слушал. Шум в голове стал тише. После того как Анна ушла. После того как вода успокоилась. После того как всё закончилось. Шум стал тише — но не исчез. Он никогда не исчезал. Он просто стал фоном. Как гул холодильника. Как шум машин за окном. Как дыхание. Ты его не замечаешь, пока не прислушаешься. А когда прислу-

шаешься — он снова здесь. Снова громкий. Снова невыносимый. Ян стоял на берегу и слушал. И вода говорила с ним. Тише, чем раньше. Спокойнее. Она говорила: «Ян. Мальчик. Ты свободен. Ты можешь идти. Ты можешь жить. Ты можешь забыть». Он не мог забыть. Он не хотел забывать. Потому что забыть — это значит предать. Тех, кто был в воде. Тех, кто был в янтаре. Тех, кто ждал. Тех, кто просил. Тех, кого он не смог освободить. Тех, кого он оставил. Он стоял на берегу и думал: «Я — Ян Ковальский. Я — мальчик, который утонул. Который вернулся. Который слышит. Который знает. Который может. Я не буду забывать. Я буду помнить. Всегда. Потому что кто-то должен. Кто-то должен помнить тех, кто не вышел. Тех, кто остался. Тех, кто стал водой. И я буду. Пока жив. Пока слышу. Пока могу». Он повернулся. Пошёл прочь от воды. К городу. К людям. К жизни. Он не знал, куда идёт. Он не знал, что будет делать. Он знал только, что должен идти. Потому что стоять — это смерть. А он не хотел умирать. Он хотел жить. Как Илья. Как Лиза. Как все. Как человек. Он шёл по дороге, и шум в голове становился тише. Не исчезал. Но становился тише. И это было хорошо. Это было начало. Это было что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.